

На правах рукописи

МАРКЕЛОВ Константин Алексеевич

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО КАСПИЯ**

Специальность: 5.5.4 – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Симферополь – 2023

Работа выполнена на кафедре политологии и международных отношений
факультета социальных коммуникаций ФГБОУ ВО
«Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева»

- Научный консультант:** **Карабущенко Павел Леонидович**
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры политологии и международных
отношений факультета социальных коммуникаций,
главный научный сотрудник (руководитель) Центра
стратегических исследований Евразии ФГБОУ ВО
«Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева»
- Официальные оппоненты:** **Бочарников Игорь Валентинович**,
доктор политических наук, доцент, профессор
кафедры информационной аналитики и политических
технологий факультета «Социальные и гуманитарные
науки» ФГБОУ ВО «Московский государственный
технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)»
Вардомский Леонид Борисович,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий Центром постсоветских исследований
ФГБУН Института экономики РАН
Койбаев Борис Георгиевич,
доктор политических наук, профессор, профессор
кафедры философии и социальных наук
исторического факультета ФГБОУ ВО «Северо-
Осетинский государственный университет имени
К. Л. Хетагурова»
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

Защита состоится «23» мая 2023 года в 12.00 на заседании диссертационного совета 24.2.318.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» по адресу: Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, зал заседаний диссертационных советов (аудитория 301).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» по адресу: 295007, Республика Крым, просп. Академика Вернадского, д. 4, и на сайте университета по ссылке: <http://science.cfuv.ru/markelov-konstantin-alekseevich>

Автореферат разослан «21» февраля 2023 года.

Ученый секретарь диссертационного совета 24.2.318.07,
кандидат политических наук

Л.Г. Халанская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования объясняется тем, что сразу после распада СССР регион Каспийского бассейна стал важным геополитическим перекрестком Евразии. Обнаруженные в различных секторах шельфа Каспия богатые месторождения нефти и газа стали основной причиной повышенного интереса к этому региону со стороны глобальных, национальных и региональных политических субъектов. Действительно, Каспийский бассейн преобразовался в ареал соперничества за обладание углеводородными ресурсами и маршрутами их транспортировки на мировые рынки, что повлекло за собой актуализацию старых и активизацию новых геополитических процессов в регионе. В свою очередь, для новых независимых государств Прикаспия контроль над прибрежным нефтегазовым сырьем и маршрутами его транспортировки превратилась в одно из ключевых условий строительства собственной государственности и укрепления суверенитета, что вывело их на новый уровень геополитической конкуренции.

Свою роль в повышении актуальности проблемы Каспия сыграли события осени 2001 г., связанные с началом оккупации Афганистана войсками международной коалиции. Важным результатом данных процессов можно считать еще большее увеличение геополитической значимости ареала Большого Каспия в связи с тем, что большой интерес к данному региону как дополнительной кладовой углеводородных ресурсов и многообещающему военно-стратегическому плацдарму стал демонстрировать не только «коллективный» Запад, но и Китай, и Турция.

Признавая справедливой данную констатацию, полагаем, что следует все же считать устаревшим весьма распространенный вывод о том, что Каспийский регион оказался предметом борьбы больших и малых политических интересов только лишь из-за того, что стал восприниматься как новый нефтегазовый регион Северной Евразии. Современный Каспийский регион благодаря мегапроектам в транспортно-инфраструктурной, транзитно-коммуникативной сферах подвержен сильной трансформации. Одним из таких масштабных проектов-трансформаторов больших пространств является мегапроект современного Китая «Один пояс – один путь». Проводимая Россией СВО на Украине также актуализирует проблему транспортных коридоров и геополитического противоречия, влияния и управления геополитическими процессами в Каспийском регионе.

Вторая карабахская война осени 2020 г. и ее итоги критически изменили геополитическую ситуацию в регионе южного Кавказа и Каспийского бассейна. По сути дела, вывели процесс формирования Большого Каспия как новой геополитической единицы, имеющей самостоятельное энергетическое, торгово-транспортное и военно-стратегическое значение, на новый уровень. Важной частью данной региональной трансформации является геополитическое закрепление России в регионе после ряда впечатляющих военно-политических шагов: признания Южной Осетии и Абхазии в 2008 г. (сегодня в обеих республиках работают посольства РФ и находятся семь тысяч российских военнослужащих), усиления Каспийской флотилии после начала сирийской кампании, закрепления в Закавказье в качестве

ведущей миротворческой силы после окончания карабахской войны. Доминирование Москвы в ареале Большого Каспия становится безоговорочным, и сегодня вряд ли у кого возникают сомнения в том, кто является ключевым геополитическим игроком в регионе. Таким образом, вторая карабахская война и ее последствия не только закрепили геополитические перемены в Закавказье, но стали символом давно назревших геополитических тенденций в ареале Большого Каспия, что, в свою очередь, несомненно, актуализирует проблему нашего диссертационного исследования.

Посткарабахская мирная пауза создала новую транспортно-коммуникационную (и более широко – геополитическую) реальность в данном регионе. По результатам московской встречи 11 января 2021 г. лидеров России, Азербайджана и Армении – В. Путина, И. Алиева, Н. Пашиняна – было подписано заявление о восстановлении экономических и транспортных связей в регионе. Разблокирование коммуникаций между Азербайджаном, Арменией и Турцией также предусмотрено трехсторонним заявлением лидеров России, Азербайджана и Армении о прекращении огня в Нагорном Карабахе, вступившим в силу 10 ноября 2020 г. По сути дела, это означает не только новый импульс развития транспортно-транзитной системы, но и может стать толчком к экономической интеграции региона, что, несомненно, изменит не только его геоэкономический, но и вообще геополитический статус.

Актуальность методологической составляющей работы связана с операционализацией как понятия, так и определения параметров такого феномена, как Большой Каспий. Отметим, что зачастую исследователями и экспертами использовались и используются для определения понятия или метафоры, а не логически выверенные структуры (евразийские Балканы, Большой Ближний Восток, нефтегазовая кладовая Евразии), или идеи исключительных возможностей транспортного коридора.

Таким образом, Большой Каспий – регион самообновляющейся актуальности: здесь постоянно попеременно идут процессы от центробежных к центростремительным и наоборот; происходят то интеграционные, то дезинтеграционные процессы, накладывающие свои отпечатки на политическую, социальную, экономическую, духовно-культурную действительность.

С учетом перечисленных и других аспектов проблемы данная тема представляется актуальной для научного исследования как в теоретическом, так и практико-политическом аспектах.

Степень разработанности проблемы исследования. Культурно-цивилизационная парадигма в геополитике представлена трудами таких известных исследователей, как Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, Л. Н. Гумилев, А. Тойнби, С. А. Панарин, А. Г. Дугин и др. В последние годы появились работы, которые развивают этот цивилизационный контент в рамках таких проблем, как глобализм (А. Н. Чумаков), модернизм (М. А. Шепелев), цивилизационная идентичность (Т. А. Сенюшкина, А. А. Ирхин, А. В. Швецова), коммуникация, информатизация, цифровизация.

В современной научной литературе, близкой к геополитической проблематике, весьма активно обсуждается тема имперского наследия России и перспективы ее дальнейшего развития (В. И. Спиридонова, Е. В. Скребец, П. Л. Карабущенко и др.). Эта тема возникла не случайно в связи с обвинениями некоторых западных политиков и аналитиков (Х. Клинтон, З. Бжезинский) в усилении «российского реваншизма» и в попытках Кремля восстановить советскую империю. Реакция Кремля была на кризис однополярного мироустройства и возникновение тенденций перехода к многополярному миропорядку.

В настоящее время как теоретиками, так и практиками большое внимание уделяется тематике пространственного развития Каспия в системе координат «Восток – Запад», «Север – Юг». Несмотря на отсутствие четкого толкования понятия «Каспийский регион», наблюдаются попытки встраивания его в такие конструкты, как Черноморско-Каспийский, Средиземноморско-Каспийский, Кавказско-Каспийский регионы (А. З. Адиев, Ш. М. Алиев, Р. Асмус, А. В. Вотинин, Г. В. Горелова, П. Дарабади, В. А. Колосов, Г. В. Косов, А. И. Магомедова, Р. Ф. Патеев, М. Д. Розин, В. Н. Рябцев). Анализ современной литературы позволил нам говорить об одновременном использовании в научном дискурсе, кроме этих терминов, еще и таких, как Прикаспийский регион и Большой Каспий (К. Г. Ланда, Н. Н. Миллер, А. Нурша, С. А. Проскурин, В. Н. Сченснович, И. Б. Эжиев). Объясняется это и разными подходами к районированию, и разными методологическими школами, и борьбой акторов мировой политики в ситуации переформатирования старого и конструирования нового мирового порядка в ситуации глобальных геополитических трансформаций.

Выход Каспия на арену мировой энергетической геополитики привел к тому, что регион тут же стал объектом многочисленных исследований, многие из которых были продиктованы срочными политическими интересами.

В последующие годы изучение каспийской политики приобрело солидный размах, что было обусловлено интенсивностью и разнонаправленностью проводимой работы по этой тематике как в России, так и за границей. Появились специализированные издания, аналитические центры и исследовательские институты, которые целенаправленно стали заниматься каспийской тематикой. Наибольшей активностью отличаются такие издания, как «Каспийский баррель», академический журнал «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), электронное издание «Кавказский аналитический дайджест» (США) и др. В России центром каспийских исследований заслуженно является Астраханский госуниверситет. В числе его достижений можно считать создание и успешное функционирование «Центра стратегических исследований Евразии» под руководством профессора П. Карабущенко.

Значение Каспия как уникальной энергетической и геополитической единицы и его роль как одного из центров постсоветских международных отношений исследовано довольно подробно. Постсоветские тенденции трансформации Центральной Азии и Кавказа как нового мезорегиона Северной Евразии рассматриваются в работах В. Максименко и К. Гаджиева. Проблемы, связанные с

нефте- и газопроводной политикой, строительством инфраструктурных систем по транспортировке каспийских энергоресурсов, анализируются в работах Т. Голца, С. Круассан, А. Магомедова.

Вопросам политизации нефтегазовых ресурсов Каспия национальными, региональными и локальными субъектами посвящены работы В. Бабак и А. Куртова. Милитаризация Каспия и военно-политический аспект борьбы за доминирование в регионе рассматриваются Р. Бурнашевым, С. Бланком, А. Иштаевым. М. Чумалов анализирует проблему каспийской нефти в контексте межнациональных отношений в регионе.

Исследовательским аспектам, связанным с международно-правовым статусом Каспийского моря, посвящены работы Ю. Барсегова, З. Габиева, В. Гусейнова. Военно-транспортное значение Каспийского региона в контексте исторических событий представлено в работах А. Басова, Ю. Голуб, А. Магомедова.

В исследовании Л. Рубан, а также в коллективной монографии таких авторов, как С. Жильцов, И. Зонн, А. Ушков представлено многостороннее рассмотрение имеющихся проблем в регионе. В фокусе данных работ – трансформация геополитической ситуации на Каспии, связанная с военно-политическим строительством и вопросами трубопроводной стратегии на Каспии.

Другое важное направление каспийских исследований – геополитическая безопасность Прикаспийского ареала в контексте процессов нарастающей глобализации и регионализации. Они проанализированы в трудах В. Аваткова, Г. Войтоловского, А. Ирхина, Л. Йонсон, Н. Косолапова, Д. Малышевой, Г. Чуфрина, Ю. Федорова.

Одним из наиболее актуальных направлений каспийских исследований долгое время оставалось изучение международно-правового статуса Каспийского моря. Однако важно обратить внимание на такое редкое, но весьма ценное и интересное направление каспийских исследований, как рассмотрение этнонациональных проблем в регионе в контексте транспортировки «большой» каспийской нефти. Зависимость остроты межнациональных отношений на Кавказе от каспийского ресурсного фактора анализируется в книге М. Чумалова.

Среди других крупных достижений в сфере каспийских исследований особо стоит выделить такую монографию, как «Геополитика Каспийского региона. Взгляд из России», подготовленную астраханскими учеными П. Карабущенко и Р. Усмановым.

Важным направлением каспийских исследований стали международные отношения, формирование и эволюция политических и дипломатических альянсов в регионе. Международно-политические и стратегические аспекты активности в Каспийском бассейне таких крупных игроков мировой политики, как США, Евросоюза, России и КНР, осмыслены в работах А. Белого и Э. Ремакля, А. Бурка, В. Д. Писарева, О. Н. Барабанова, Е. Бавриной и Н. Федоренко.

В особую группу работ по Каспию необходимо выделить ряд диссертационных работ. Речь идет об исследованиях, в которых ставятся самые разные вопросы постсоветской трансформации в регионе: от эволюции

региональных политических режимов до лоббистских усилий ведущих игроков глобального энергетического рынка, от формирования каспийской энергетической сцены до выстраивания российских национальных интересов в быстро меняющемся регионе Каспия. Эти аспекты раскрыты в исследованиях Н. Миллера, С. Жильцова, Ю. Зюзина, А. Абакарова, К. Ланда. С. Притчина. Для нашего исследования чрезвычайно важен представленный в этих работах анализ процесса формирования контуров геополитических отношений на Каспии в контексте выработки российской военно-политической и дипломатической стратегии в регионе.

Нельзя не оставить без внимания такой любопытный факт каспийских исследований, как монографии российских специалистов А. Магомедова и Р. Никерова. Важной частью их интеллектуальных усилий является рассмотрение в качестве центральной проблемы анализ углеводородного и в целом ресурсного фактора каспийской политики. Для решения задач исследования авторы используют многоуровневый подход – рассматривают борьбу за каспийские энергоресурсы сквозь призму глобальных, национальных, региональных и локальных интересов. Как выясняется, каждый уровень каспийской политики представлен собственными политическими и экономическими интересами. Проблемы, поднимаемые и освещаемые авторами с позиций «многоярусного» подхода, помогают нам сформулировать новые ракурсы каспийской политики.

Рассмотрение имеющегося корпуса исследований по каспийской проблематике свидетельствует о том, что ученые добросовестно изучили многие аспекты каспийской политики. Большинство из этих проблем стали предметом многочисленных дискуссий, что объясняется использованием различной методологии в работе над каспийской проблематикой.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы показывает, что за постсоветские десятилетия сформировалась солидная исследовательская основа для понимания процессов, проходящих в Прикаспийском регионе. Однако, несмотря на значительный объем и впечатляющие результаты названных работ, следует отметить, что в целом подлинное значение энергетического и коммуникационного фактора в становлении Каспия как влиятельной геополитической единицы евразийского континента остается до конца не исследованным. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Цель исследования: выявление причин, акторов, векторов развития геополитических процессов в Большом Каспии.

Для достижения данной цели автор предлагает следующие исследовательские задачи:

1. Провести концептуализацию таких понятий, как геополитические процессы, Большой Каспий, геополитический проект, сформулировать концептуальные модели, объясняющие появление Каспия как новой пространственно-географической единицы в постсоветский период.

2. Сформулировать основные черты политического развития Каспия в постсоветский период.

3. Доказать, что сырьевое воображение и ресурсный национализм выступили в качестве дезинтеграционного фактора в рамках Большого Каспия и способствовали появлению такого феномена, как региональный эгоизм.

4. Доказать, что нефте- и газопроводные проекты в Большом Каспии выступали инструментами реализации глобальных и региональных геополитических интересов и попыток геополитической трансформации региона.

5. Выявить логику «локализованной» геополитики транзитных войн в Большом Каспии и обосновать логику политико-экономического тренда в регионе от «ресурсного национализма» к «новому энергетическому порядку» как идеологическому фундаменту геополитических процессов в нем.

6. Обосновать трансформацию стран Каспийского региона из объекта внешнеполитического воздействия в субъект активных внешнеполитических процессов в евразийском пространстве.

7. Определить логику и причины эволюции интеграционных процессов и политики межгосударственного сотрудничества в Каспийском регионе от геополитики к геоэкономике транспортных систем как инструменту реализации геополитических интересов / устремлений региональных и внерегиональных акторов на евразийском пространстве.

8. Доказать, что основными геополитическими инструментами прикаспийской интеграции являются геоэкономические инструменты, а фактором стабильности и сотрудничества в Большом Каспии в ситуации геополитического противостояния / трансформации является стремление к обеспечению коллективной безопасности.

9. Выявить риски и возможности для интеграционного процесса в Большом Каспии инфраструктурного проекта «Один пояс – один путь».

10. Доказать, что Центральноазиатская зона вследствие геополитического противостояния региональных и глобальных акторов приобретает статус евразийской геополитической дуги нестабильности на пространстве Большого Каспия.

11. Выявить основные проблемы современной российской геополитики в регионе Большого Каспия и предложить варианты по минимизации их влияния на национальную безопасность РФ.

Объектом исследования является геополитическое пространство Большого Каспия.

Предметом исследования выступают геополитические процессы, протекающие в Большом Каспии.

Хронологические рамки исследования – период постсоветских десятилетий (1991–2022). Особый упор в этой хронологии делается на геополитические процессы, связанные с наиболее острыми стадиями борьбы за энерготранспортные ресурсы Большого Каспия.

Основная гипотеза исследования. В рамках диссертационного исследования была выдвинута гипотеза о том, что геополитический проект каспийской интеграции «Большой Каспий» является ответом на американские проекты «Большой Ближний Восток», «Большая Средняя Азия» и т.д. В его основе лежит российская инициатива по созданию развитой интеграционной системы,

направленной на повышение её политического статуса и экономической мощи. Эволюция Большого Каспия связана с формированием не иерархических, а сетевых структурных механизмов архитектуры международных отношений, что предполагает наличие не одного, а множества центров принятия решений. Эти центры обладают различным объемом компетенций, разной ресурсной базой.

Теоретико-методологические основы исследования определяются сложным и многомерным характером базовых параметров диссертации – целью и задачами, объектом и предметом исследования, спецификой авторского подхода, предложенной методологией и корпусом применяемых источников. В выборе методологии анализа мы руководствуемся собственным восприятием специфики изучаемой проблемы и наиболее приемлемыми методами достижения искомых теоретических и практических результатов исследования.

В исследовании используется субъектно-деятельностный подход. Потенциал данной методологии позволяет раскрыть мотивацию и основные формы взаимодействия основных игроков каспийской политики, а также выявить и проанализировать базовые противоречия государств Каспийского региона по поводу раздела каспийских территорий и ресурсов. Данный подход также позволяет приблизиться к лучшему пониманию феномена «ресурсного накопления» в исследуемом регионе. Последний понимается в работе как процесс публичной манифестации актуальных политических интересов властей прибрежных государств в отношении базовых ресурсов Каспийского региона – нефтегазового сырья, инфраструктурных систем, морских границ и т. д.

Большую ценность для решения задач исследования представляет проблемно-ориентированный подход. Он дает возможность определить ключевую проблему процессов, происходящих в Каспийском регионе: ресурсно-экономический аргумент как основной организующий принцип актуального политического поведения ведущих акторов каспийской политики.

Автор в своих исследованиях, отталкиваясь от идей экономического детерминизма в геополитике, пришел к пониманию причин и последствий геоэкономического противоборства глобальных центров силы в контексте борьбы за ресурсы и новую мировую логистику.

Теоретическую и методологическую базу данного исследования составили работы зарубежных и российских исследователей. Известный российский учёный К. С. Гаджиев провёл фундаментальные исследования политических изменений на постсоветском пространстве, выделил исследовательское поле понятия «Геополитика Кавказа» и обозначил её трансформационное измерение. Ценным фактором в русле этих исследований стало осмысление глобализационных процессов. Попытки внести ясность в феномен «ресурсного национализма» предпринял видный учёный и практик Ю. К. Шафраник. Немецкий исследователь Б. Тешке зафиксировал на понятийном уровне природу геополитических изменений в истории и тем самым внёс свои интеллектуальные коррективы в понимание ресурсных эгоизмов субъектов каспийской политики. Свои коррективы в сферу изучения постсоветских трансформаций с точки зрения формирования региональных геополитических единиц внёс японский

специалист О. Иеда. Идеи этих учёных послужили дополнительным стимулом для данного исследования и теоретической реинтерпретации политических процессов в Каспийском регионе.

В работе используется термин «мезорегион» в качестве теоретической основы для анализа избранной проблемы. Он несет в себе значительный научный потенциал для исследования и понимания новых территориальных единиц, порожденных геополитическими потрясениями распада СССР. Пространственный ареал Прикаспия в его ресурсном измерении стал именно одним из таких мезорегионов. Следует подчеркнуть, что закономерность формирования таких территориально-политических единиц проходила в рамках двух разнонаправленных тенденций. Первая тенденция была обусловлена фрагментацией всего коммунистического блока. Второй тренд диктовался глобализационными процессами 1990-х гг., которые стимулировали интеграцию мезорегионов в мировую экономику и политику.

Обозначенные процессы дают возможность вести речь о появлении такой тенденции, как «перемещение / движение регионов», которые в конечном итоге формируют новые политико-географические единицы и ведут к складыванию новой географической конфигурации на просторах посткоммунистической Северной Евразии. Одной из таких политико-географических единиц выступает Каспийский регион.

Думается, что разработка данного концепта внесет большую ясность в понимание быстро меняющихся территориальных реалий постсоветской Евразии. Мезорегиональный уровень порожден логикой столкновения сил глобализации и антиглобализации, взаимодействия мировых и локальных процессов. Применяя мезорегиональные критерии в исследовании территориально-пространственных изменений, легче понять особенности каспийской политики, которой свойственны указанные характеристики. В частности, с помощью концепта «мезорегион» можно выйти за пределы узко понимаемого национально-государственного подхода в оценке стремительно меняющихся постсоветских каспийских реалий. Все вышесказанное свидетельствует о том, что концепт «мезорегион» обладает впечатляющим познавательным потенциалом применительно к каспийской проблематике.

Важным теоретическим основанием работы стал тезис и о том, что торгово-транспортные коммуникации (в нашем случае нефте- и газопроводы) являются способами распространения политического контроля наряду с миссией транспортировки товаров и освоения географического пространства. По мнению отечественного философа С. Королёва, «дорога может стать стержнем (сердцевиной) пространства власти, каналом властных импульсов». Данный тезис показывает, что транспортная инфраструктура может выступать региональным инструментом мобилизации публично-политических ресурсов.

В основе диссертационного исследования лежат геополитические методы, разработанные такими классиками, как Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, Х. Дж. Маккиндер, А. Мэхен, З. Бжезинский, С. Хантингтон, Г. Киссинджер, А. Е. Вандам,

П. Н. Савицкий, А. С. Панарин, Е. М. Примаков и др. В рамках классической геополитики использованы три основных закона: закон фундаментального дуализма; закон усиления фактора пространства в человеческой истории и закон синтеза суши и моря.

Важным исследовательским методом работы является сравнительный анализ. Он дал возможность проследить синхронность энергосиловой дипломатии Чечни и Абхазии в середине 1990-х гг. Другим познавательным методом стал способ анализа конкретных случаев (case-study), который позволил определить специфику военно-политического поведения и дипломатические стимулы политических элит кавказских регионов в контексте движения каспийской нефти к черноморским и средиземноморским терминалам.

Эмпирическая основа исследования состоит из нескольких источниковых корпусов: 1) правовые документы правительственного уровня государств Прикаспия, затрагивающие проблемы разделения и контроля углеводородных ресурсов Каспийского моря и строительства нефте- и газопроводов; 2) данные государственных статистических органов стран Прикаспия, текущие статистические и экономические отчеты национальных и международных нефтегазовых корпораций, работающих в Каспийском регионе; 3) материалы аналитических дискуссий, выступлений на «круглых столах» и иных международных и региональных форумах, посвященных геополитическим изменениям в регионе Каспийского моря (на русском, английском, китайском, казахском, азербайджанском, китайском языках и фарси); 4) специализированные информационно-аналитические доклады, статьи в международных и российских печатных и электронных медиа; 5) авторский архив, связанный с многолетней работой в органах законодательной и исполнительной власти.

Приводимые в работе источники были тщательно отобраны и систематизированы по следующим критериям: 1) по их ведомственной и отраслевой принадлежности; 2) по интенсивности презентации каспийских проблем самого разного толка: от ресурсных до пограничных, от международно-политических до инженерно-технических; 3) по характеру и формам публичной манифестации вопросов регионального развития ведущими игроками каспийской политической сцены.

Использованная в работе бюджетная, хозяйственная, торговая и нефтегазовая статистика государств Прикаспия обеспечила основательную доказательную базу и корректную квантификацию выводов диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Проведена концептуализация понятия «геополитические процессы». Обоснована мысль о том, что геополитические процессы – это «не причины и следствия», а совокупность специфических, упорядоченных в рамках реализации того или иного геополитического проекта действий, направленных на приобретение, удержание и использование метавласти (термин У. Бека) в современном мире. Геополитические процессы начинаются с выработки национальной политической элитой основных параметров геополитического проекта, то есть артикуляции

«большой идеи». К геополитическим инструментам и технологиям можно отнести все разновидности войн (классические, информационные, экономические, торговые, транзитные); манипуляцию процессами политизации неполитических факторов (манипуляции миграционными процессами, манипуляции процессом политизации религии, культуры, демографии и т. д.); коммуникационные проекты, детерминированные геополитическими характеристиками: трубопроводы, железные дороги, транспортные хабы, проект «Север – Юг», «Шелковый путь» и т. п.

2. Впервые обоснован тезис, что не все, а только некоторые государства имеют геополитические проекты, большая же часть государств обходится геополитическими ориентирами и представлениями. Именно великие державы (в прошлом, настоящем) обладают имперским геополитическим кодом или имперскими традициями, что, несомненно, влияет на их геополитическую роль и геополитическое поведение. В Каспийском регионе таких держав две: современная Россия и Исламская Республика Иран. И первая, и вторая, обладая сформулированным в истории Российской и Персидской империй геополитическим кодом, в настоящее время стремятся актуализировать свое видение геополитических проектов и реализовать их. Геополитические проекты могут быть нескольких уровней: продолжающиеся геополитические проекты (РахАмерика); геополитический проект через возрождение существовавших ранее проектов (Великий Туран, Арабский халифат, Исламский мир как проект глобализации), через конструирование проекта большого пространства в ситуации глобальных геополитических трансформаций (Большое Средиземноморье как проект Италии времен Б. Муссолини, Большой Ближний Восток, Большой Кавказ, Большая Центральные Азия).

3. Доказано, что в отличие от либерально-демократического и секуляризированного Запада Евразия традиционно является центром глубинных полирелигиозных отношений. В отличие от западной цивилизации, где сильны традиции военно-политических религиозных конфликтов, евразийские цивилизации традиционно нацелены на межконфессиональный диалог, в котором действуют естественные (а не формальные, как на Западе) политкорректность, толерантность и веротерпимость. Обоснована мысль о том, что еще одной характерной чертой цивилизационной геополитической парадигмы является постоянное обращение к истории и крайне деликатное отношение к историческому наследию.

4. Выявлена логика современной геополитической трансформации мира. Точкой отсчета этого процесса стал распад Советского Союза. Эволюция вхождения РФ в пул акторов большой современной геополитической трансформации прослеживается в изменениях Концепций внешней политики и национальной безопасности. Доказано, что факторами геополитических трансформаций современного мира являются формулирование и закрепление государствами и группами государств новых ролей на международной арене; борьба за ресурсы; приобретение статуса актора мировой политики, акторов вне суверенитета; нарастание в геостратегических точках потенциала нестабильности, политической

бифуркации, региональных и глобальных противоречий и конфликтного потенциала.

5. Установлено, что в странах Каспийского региона отчетливо проявляется такой фактор геополитических трансформаций, как рост нестабильности, внутривнутриполитических и внешнеполитических противоречий. Анализ процессов в странах Каспийского бассейна конца 90-х гг. XX в. – начала 2000-х гг. показывает, что у правящей элиты появляются ощущения угроз внутренней и внешней составляющих своей безопасности. Эйфория национализма в постсоветских странах Прикаспия и шанс реализовать цивилизационную миссию у Ирана натолкнулись на политические, экономические и геополитические реалии. Доказано, что вызовы их устойчивому развитию наблюдались в следующих плоскостях: территориальная дезинтеграция; политический транзит с разными условиями входа, разным набором транзитных условий и факторов; вмешательство во внутренние дела международных акторов; рост внутривнутриполитической нестабильности вследствие противостояния элитных группировок, экономической дезинтеграции и т. д.; политизация этничности и религии; становление и функционирование структур международного терроризма.

6. Доказано, что возрастание значимости Каспийского региона обосновывается следующими факторами: повышением коммуникационного и энергетического значения региона, что приводит к его «пробуждению», к появлению его «самосознания», к переформатированию и борьбе внутри региона; появлением «нового» интереса к региону со стороны мировых держав. Обосновывается мысль о том, что Большой Каспий является международным проектом «союза равноправных» как интеграционный проект суверенных партнеров. Вклад автора заключается в обосновании, описании и прогнозировании развития данного проекта.

7. Политические режимы в Каспийском регионе похожи тем, что опасения угрозы внутренней и внешней стабильности присутствуют как в общественном мнении, так и в сознании политических элит. Отсюда стремление к защищенности, безопасности, которое в итоге берет верх над ресурсным эгоизмом 90-х гг. XX в. И подталкивает режимы и элиты к формированию механизма региональной безопасности под «зонтиком» России.

8. Получила дальнейшее развитие идея о том, что условием/следствием формирования региональной системы безопасности и реального конструкта Большой Каспий может быть появление особого рода идентичности – геополитической идентичности, которая представляет особый вид идентичности, являющийся необходимым элементом конструирования геополитического пространства, в основе которого лежит не культурно-историческая, религиозно-цивилизационная общность, не принадлежность к одному конкретному государству, а географический фактор; диспропорции мирового экономического пространства и социального развития при желании как политических, так и экономических элит ряда сопредельных территорий их изменить; стремление элит к построению «суверенных» политических режимов и поддержанию их функционирования, несмотря на общемировые тренды, связанные с процессами модернизации и глобального гражданского общества; желание политических элит обеспечить

региональную безопасность и стать одним из центров силы в новой глобальной реальности.

9. Доказано, что формирование циклических моделей «многомерных пространств» Большой Евразии осуществляется на принципах однородности сопряжения соответствующих государств, их экономик и культурно-мировоззренческой специфики. В этих условиях актуализируются вопросы расширения гуманитарного сотрудничества, которые являются приоритетными во взаимодействии государств СНГ, где 2023 г. объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения и ведется активная работа по созданию международной организации под эгидой СНГ по продвижению русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для политической культуры стран Большого Каспийского региона национальная история является важнейшим источником формирования идентичности и выработки стратегии поведения на международной арене. Поэтому наряду с культурой и религией история является важнейшей составной частью цивилизационной парадигмы, отвечающей за формирование мировоззренческих установок конкретного общества и государства. Евразийские страны имеют глубокую историческую память, связывающую прошлое их цивилизаций с настоящим этих стран. И, как показывает политическая история, у многих из них актуализированы воспоминания о негативном опыте взаимоотношений с западными колониальными державами, что влияет на уровень доверия к их словам и проектам. Историческую память определяет культурно-религиозное пространство, одной из ведущих категорий которого является дихотомия «угрозы – безопасность». В основе этой дихотомии лежат воспоминания о войнах и иных видах насилия (особенно колониального гнета), нарушающих понимание справедливости и чести. Исторические обиды подобного характера оказывают существенное влияние на политические предпочтения и выбор вектора развития многих современных стран. У политических элит Большого Каспийского региона выбор определяется как их собственными цивилизационными традициями, так и логикой развития интеграционных отношений, направленных на поддержание диалогового характера общения их стран. Этот выбор определяет их как самостоятельных геополитических игроков, признающих равноправие всех цивилизаций, в том числе и откровенно им враждебных. В этом плане они пытаются построить такую систему безопасности, которая была бы не против Запада, а без Запада.

2. В работе сформулирован новый исследовательский подход к пониманию и изучению Большого Каспия. Суть нашего анализа состоит в следующем: чтобы лучше понять каспийские проблемы, их нужно поместить в широкий контекст международных отношений. Для этого необходимо, прежде всего, учесть ту огромную роль, которую начали играть в постсоветский период следующие факторы: нефть, газ и торгово-транспортные маршруты Каспия как фундамент новой идентичности постсоветских государств региона, а также «ресурсный национализм», создание трубопроводной системы по направлениям «Запад» и «Восток» от Каспия, формирование новых политических и экономических

стимулов в регионе, создание новой портово-транспортной системы и инфраструктуры. На Каспии его участниками формируется система открытого развития, нацеленная на стратегическое сотрудничество с другими странами, которые стремятся ускорить ресурсные приобретения в регионе. Под термином «Большой Каспий» можно понимать и политический процесс, характеризующийся «интеграцией ресурсов», а также тесным международным взаимодействием по каспийским вопросам. Сюда также входит процесс сближения государств Каспийского региона с другими странами, а также усиленная кооперация стран Каспия между собой по вопросам, касающимся экономических интересов и военно-политической безопасности. Таким образом, ресурсный фактор и строительство транспортных систем, усилия по строительству транспортно-логистических коридоров становятся ключевыми факторами и фундаментом Большого Каспия. Эти системы и факторы дают толчок для развития каспийской энерготранспортной сети в плане превращения ее в важный центр евразийской транспортной системы. Для успешной реализации таких проектов страны Прикаспия придерживаются модели открытого развития. Именно такая стратегия позволяет Прикаспийским государствам трансформироваться из региональных игроков в субъектов евразийской политики, что, в конечном итоге, определяет возможность говорить о Большом Каспии как мезорегионе.

3. Геополитические потрясения, связанные с крушением Советского Союза, изменили контуры и внутреннее наполнение, логистические связи и зависимости в евразийском регионе, автономной частью которого стал Каспийский регион, выделяющийся из окружающего пространства нефтяными и газовыми запасами и возможностями транспортно-логистического геополитического хаба в будущем, геополитического узла, соединяющего Восток и Запад. С момента распада СССР регион стал превращаться в арену силового противостояния ведущих стран мира (Россия, США, Европейский союз, Китай), детерминированного национальными интересами, связанными с контролем над углеводородными ресурсами и логистической / трубопроводной системой и со стремлением к региональному доминированию со стороны Ирана и Турции, причем Российская Федерация в этой ситуации выступает и как региональный, и как глобальный актер.

4. После распада СССР прикаспийские государства стали самостоятельными политическими субъектами, чьи амбиции и претензии подпитывались новой каспийской идентичностью и борьбой за нефтегазовый суперресурс¹. Ресурсный фактор и неожиданно открывшийся сырьевой потенциал морских и прибрежных территорий обусловил сдвиг Каспийского региона в центр мировых геополитических и геоэкономических процессов. В результате именно ресурсный фактор определил систему политических стимулов и экономических ожиданий властвующих элит Азербайджана, Казахстана, Туркменистана. В таких условиях

¹ Под термином «суперресурс» применительно к каспийской политике мы понимаем нефть, газ, стратегические трубопроводы. Они имеют ключевую ценность для государств Каспийского региона с точки зрения обеспечения их политической субъектности и устойчивости политических институтов.

не только обладание вновь открывшимися сырьевыми ресурсами и торгово-транспортной инфраструктурой, но и возможность заявить о себе как о новых игроках международной публичной политики стали важными геополитическими инструментами в руках властвующих элит этих государств. Углеводородные ресурсы превратились в один из ключевых аргументов геополитической идентичности прикаспийских государств СНГ, потому что они стали восприниматься как единственный механизм, с помощью которого может быть обеспечено их стремление к независимости и экономическому процветанию. Энергетическая дипломатия и инфраструктурные проекты стали рассматриваться как ключевой инструмент реализации внешней политики этих государств.

5. Большой Каспий как мезорегион является единственным проектом «большого пространства», созданным и реализуемым не «коллективным» Западом, а региональными игроками, причем региональные игроки имеют разные цели, рассматривают друг друга как «попутчика», но на данный момент времени этот проект – жизнеспособная структура, которая имеет все шансы не распасться, а благополучно эволюционировать. В самом общем виде Большой Каспий можно обозначить как расширение Каспийского бассейна применительно к ситуации, возникшей после распада Советского Союза и окончания «холодной войны». Если идти к уточнению данной формулы, то главным содержанием этой географической и политической трансформации региона стал энерготранзитный фактор. Открытие больших месторождений нефти и газа в азербайджанском (Азери – Чираг – Гюнешли), казахском (Тенгиз, Кашаган, Карачаганак) и туркменском (Южный Илотань – Осман и Довлетабад) секторах Каспия превратили регион в притягательную энергетическую единицу. Последующее строительство нефтегазовой инфраструктуры, пролегающей по территории Южного Кавказа и Турции (а затем по Центральной Азии в сторону Китая) не только вывели нефть и газ региона на внешние рынки, но и раздвинули границы восприятия Каспийского бассейна. Таким образом, нефте- и газопроводы привели к стратегическому расширению прежнего Каспия в двух направлениях: на Запад и на Восток, в сторону Южной Европы и Китая соответственно.

6. Большой Каспий как ресурсное и логистическое пространство не мог не стать объектом внешних, причем не столько экономических, а военно-силовых экспансионистских устремлений. Важной особенностью Большого Каспия является быстрое становление и эволюция политико-силовой составляющей. Данная эволюция детерминирована глубокой геоэкономической и геополитической трансформацией этого региона, ломкой его традиционных структур и постепенной минимизацией роли Российской Федерации в нем. Специфика Большого Каспия как мезорегиона связана с отсутствием выраженного ведущего регионального субъекта, а также с тем, что силовая, экономическая, демографическая и ресурсная составляющие находятся у разных региональных игроков, рассредоточены по региональным центрам влияния, а главная цель его существования как единого геополитического пространства / проекта – противостояние гегемонии «коллективного» Запада, обеспечение региональной безопасности и посредством

приобретения статуса логистически-транспортного региона влияние на мировые экономические и политические процессы.

7. Стремительное приближение китайского проекта «Один пояс – один путь» к берегам Каспийского моря закрепило геополитическое единство Центральной Азии и Кавказа, соединенных бассейном Каспийского моря. Строительство портовой инфраструктуры в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, для того, чтобы стать частью знаменитого китайского проекта «Один пояс – один путь», становится дополнительным аргументом для выделения понятия «Большой Каспий» (через объединение кавказского и центральноазиатского направлений) в отдельную единицу стратегической географии. Таким образом, Большой Каспий как мезорегион (помимо самой каспийской пятерки) включает в свой геополитический ареал Южный Кавказ (с выходом на Ближний Восток) и Центральную Азию. Данная конструкция основана на принципах строительства энергетических коммуникаций и торгово-транспортных коридоров.

8. Формирование Большого Каспия как самостоятельного региона – это процесс, связанный с усилением роли политических элит стран Каспийского региона. Следует признать, что в настоящий момент внутренняя энергетика стран Прикаспия еще недостаточно сильна. Элиты этих стран еще не научились коллективно использовать ресурсный фактор в своих целях. Поэтому они ищут внешние опоры (ЕС, США, КНР и т. д.) и не верят в собственные силы и возможности. Каспийский регион будет находиться в тени Большого Востока до тех пор, пока каспийские углеводородные богатства не станут главным фактором на рынке энергетических ресурсов, что может произойти в случае крупномасштабного конфликта вокруг борьбы за нефть и газ зоны Персидского залива. Дестабилизация этого региона может привести к усилению энергетической роли государств Прикаспия. Многие будут зависеть от способности политических элит этих стран вести конструктивный диалог по самым острым проблемам и не выходить за рамки существующих здесь много столетий традиций добрососедства и взаимопонимания.

9. Каспийский регион демонстрирует всему миру принципы многовекторности и многополярности. Действовать дипломатическим службам каспийской пятерки приходится именно в контексте многовекторности и многозадачности внешней политики. В настоящее время начинается новый этап развития интеграционных процессов и реализации энергетических мегапроектов, что меняет геополитический статус Прикаспийского региона. Степень интеграции и роль региона на международной арене в будущем будут связаны с ростом экономического потенциала не только входящих в регион стран, но и всего Каспийского региона в целом; с формированием и оптимизацией транспортно-логистической структуры и встраиванием ее в глобальные проекты или наоборот, встраиванием глобальных проектов в региональные транспортно-логистические структуры; более активным позиционированием прикаспийских стран на международной арене; выстраиванием деловых отношений с соседними странами и регионами, на территории которых разворачиваются конфликты и споры; с нахождением точек соприкосновения и сотрудничества с глобальными заинтересованными как государственного уровня, так и

акторами вне суверенитета; со степенью развития межгосударственных отношений в социальной и культурной сферах, межгосударственного взаимодействия с образовательной, информационной и научной сферами.

10. В настоящее время на пространстве Центральной Азии в зоне прямого политического и экономического воздействия «противостоят» интересы России, Турции, Китая и инициированные ими региональные международные организации. Центральноазиатская дуга макронапряженности и неустойчивости приобретает важнейшую геостратегическую значимость, в ареале которой формируется южная буферная зона безопасности в развитии нового мирохозяйственного уклада. С одной стороны, это широтная граница современного мироустройства. Потеря РФ лидерства и союзников на приоритетных территориальных и политико-экономических южных пространствах (Грузия, Молдова, Болгария, Украина) стимулирует поиски новых и укрепление имеющихся «пространственных факторов» от Китая до Сирии и Египта по линии сопряжения мусульманского и русского миров. Близкая культурно-цивилизационная основа и геополитические условия формирования современного миропорядка сближают эти миры (мусульманский и русский), объединяя совместные усилия в достижении «нового интегрального мирохозяйственного уклада» (С. Ю. Глазьев). С другой стороны, российская политическая реальность детерминирует поиск и укрепление союзов с ведущими игроками на этом направлении, в первую очередь, с КНР, Турцией, Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

11. С одной стороны, в пространстве Большого Каспийского региона интересы игроков «нового миропорядка» (Россия, Китай, Иран, Турция) находятся в остром противоречии с заинтересованностью «коллективного» Запада (США, ЕС и др.) в сохранении своего глобального доминирования, с другой стороны, наблюдается процесс геополитического сжатия российского пространства Большого Каспия, которое осуществляется под влиянием стран международных региональных организаций (ШОС; СНГ; ЕАЭС; ОТГ) и процесса «широтного разлома»: а) восточный вектор – центр КНР и экономически взаимозависимые от него страны Центральной Азии; б) западный вектор – центр Турция и зависимые государства Закавказья и Центральной Азии тюркской идентичности.

12. Как осевой регион Евразии Большой Каспийский регион выступает в роли некой геополитической платформы, на которой отрабатываются различные концептуальные модели интеграции и культурного взаимодействия. И в этом плане формирование единого научно-образовательного евразийского пространства станет еще одной интеграционной скрепой этих стран. Развитие интеграционных процессов целесообразно связывать с модернизацией научно-образовательной системы, повышением человеческого и интеллектуального капитала. На евразийском пространстве реализуются инновационные образовательные проекты (Сетевой университет СНГ, Сетевой университет БРИКС, Университет ШОС, Евразийский сетевой университет). В современных условиях евразийское научно-образовательное пространство необходимо рассматривать как совокупность партнерских консорциумов, функционирующих и развивающихся как по

горизонтали, так и по вертикали. До настоящего времени отсутствуют координационные начала между сетевыми университетами по приоритетным направлениям международного научно-исследовательского и гуманитарного сотрудничества. Накопились многочисленные проблемы подготовки инженерных кадров и IT-специалистов, научно-исследовательских и научно-педагогических кадров. Указанные и иные приоритетные направления формирования единого евразийского научно-образовательного пространства целесообразно предусмотреть в разрабатываемой комплексной стратегии развития Большого евразийского партнерства.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется совокупностью выявленных тенденций, которые формировали отдельную геополитическую единицу «Большой Каспий». Теоретическая значимость заключается также в авторском осмыслении, систематизации и оценке геополитических рисков, которые сопровождают драматический процесс формирования Каспийского мезорегиона в самом центре Евразийского континента в течение постсоветских десятилетий. Выводы и основные положения диссертации могут послужить теоретической и эмпирической основой для выявления характера эгоистических интересов политических режимов государств Каспийского региона, опирающихся на ресурсные аргументы в процессе реализации своей геополитической субъектности. В диссертации используется понятие «ресурсный национализм» для концептуализации характера геополитических интересов участников каспийской политики в контексте современной хаотизации международных и региональных процессов.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что многие выводы и оценки автора направлены на оптимизацию каспийской политики России в направлении реализации более активного курса по закреплению отечественных интересов в регионе. Осуществление этого курса возможно в рамках как более четкой формулировки ключевых целей российской каспийской политики, так и с помощью адекватного учета текущих стимулов основных участников каспийских геополитических процессов. Кроме того, практическое и методологическое значение, а также широкий потенциал для дальнейших исследований имеет авторское применение и полученные результаты сравнительного анализа основных усилий правительств государств Каспийского региона в деле строительства надежной каспийской идентичности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов проведенного исследования обеспечена корректным использованием совокупности разнообразных источников по теме диссертации и адекватных методов их анализа, отвечающих цели и поставленным аналитическим задачам, логикой исследовательской структуры, уровнем эмпирической и теоретической аргументированности и обоснованности сделанных выводов, обобщений и предложений.

Основные положения и выводы диссертационной работы были апробированы более чем на 20 международных и всероссийских научных конференциях и

семинарах, проходивших как в Российской Федерации, так и за рубежом (Казахстан, Азербайджан, Италия, Индия). По итогам некоторых из них издавались сборники материалов, в которых были опубликованы статьи и тезисы диссертанта, частично указанные в списке использованной литературы. Результаты диссертационного исследования были отражены в 54 опубликованных работах, в том числе в 21 научной статье в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, в 12 статьях в журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science, в 3 монографиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Общий объем работы составляет 409 страниц, из которых: 299 страниц – основной текст, на 100 страницах размещается список использованных источников и литературы, состоящий из 870 наименований; приложения в виде таблиц, занимающего 10 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновываются актуальность темы исследования, степень разработанности проблемы, формулируются объект, предмет, цель и задачи, хронологические рамки, основная научная гипотеза, теоретико-методологические основы, эмпирическая база и научная новизна исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту, характеризуются теоретическая и практическая значимость, степень достоверности и апробация результатов исследования.

В первой главе «Каспийский регион как самостоятельная пространственно-геополитическая единица: теоретические основания и концептуальная динамика» содержится три параграфа. В параграфе **1.1 «Большой Каспий в контексте современных геополитических процессов: к новой познавательной парадигме»** обосновывается мысль о том, что геополитические процессы – это совокупность специфических, упорядоченных в рамках реализации того или иного геополитического проекта действий, направленных на приобретение, удержание и использование метавласти в современном мире. Геополитические процессы начинаются с выработки национальной политической элитой основных параметров геополитического проекта, то есть артикуляции «большой идеи».

К геополитическим процессам можно отнести процессы колонизации, деколонизации, неокolonизации; процессы интеграции, дезинтеграции, реинтеграции, регионализации, глобализации, глокализации и т. п. К геополитическим инструментам и технологиям, в свою очередь, относятся все разновидности войн (классические, информационные, экономические, торговые, транзитные); манипуляция процессами политизации неполитических факторов (манипуляции миграционными процессами, манипуляции процессом политизации религии, культуры, демографии и т. д.); коммуникационные проекты, детерминированные

геополитическими характеристиками: трубопроводы, железные дороги, транспортные хабы, например, проекты МТК «Север – Юг», «Шелковый путь» и т. п.

Идея Большого Каспия как западного проекта ни в 90-е гг. XX в., ни в начале 2000-х гг. не была до конца оформлена. Используя технологии пространственного конструирования / переконструирования регионов, «коллективный» Запад предпринимает попытки включить Каспийский регион в более объемные геополитические проекты. Это объясняется стремлением недопустить / размыть потенциальное формирование той или иной степени региональной идентичности, региональной системы безопасности, региональных политических и экономических институтов.

Доказывается, что конструирование новых «больших» пространств в начале 90-х гг. XX в. было не чем иным, как инструментом влияния, идеологическим / теоретическим обоснованием геополитического передела мира, дающим право условно «коллективному» Западу осуществлять ресурсно-территориальную экспансию, реализовывать идеи «нового империализма», выводить ряд территорий из-под традиционного российского влияния. Основными элементами технологии создания «больших» пространств, по нашему мнению, являлись искусственное расширение / размытие региона и попытка связать эти новые «большие» пространства новыми коридорами: транспортными, коммуникационными, даже не всегда рентабельными экономически, но действенными политически. Главная цель – оторвать, отдалить регион от России, снизить степень ее влияния на этом новом «большом» пространстве, облегчить для себя проведение в данном «большом» регионе своей внешней политики.

Предлагается авторская многомерная модель Большого Каспия, в основе которой лежат динамично изменяющиеся пространственные сопряжения различных сил международного влияния. В рамках указанного пространства формируется совокупность двух- и трехсторонних связей и отношений как наиболее устойчивых геополитических и «пространственных единиц».

Участие России в сирийском конфликте по просьбе законного правительства Башара Асада привело к формированию работоспособной коалиции государств на военно-политической основе по линии Россия – Турция – Иран. Последняя имеет все шансы стать юго-западным вектором «Большого Каспийско-го треугольника». Под этим треугольником подразумевается создание пространства региональной безопасности на южном крыле Большого Каспия.

Каспийский юго-восточный евразийский вектор (евразийский разворот), формирующий новое геополитическое пространство Большого Каспия, осуществляется в рамках «Большого Евразийского треугольника РИК» (Россия – Индия – Китай) как устоявшегося формата политического взаимодействия государств. Значимость этой кооперации обусловлена возможностями сопряжения евразийской интеграции при реализации глобальных проектов: китайского Экономического пояса Шелкового пути и транспортного коридора «Север – Юг», предоставляющего Индии доступ к глобальным торгово-коммуникационным маршрутам и минеральным ресурсам.

В самом общем виде Большой Каспий можно обозначить как расширение Каспийского бассейна применительно к ситуации, возникшей после распада Советского Союза и окончания «холодной войны». Главным содержанием этой географической и политической трансформации региона стал энерготранзитный фактор. Строительство нефтегазовой инфраструктуры, пролегающей по территории Южного Кавказа и Турции (а затем по Центральной Азии в сторону Китая) не только вывели нефть и газ региона на внешние рынки, но и раздвинули границы восприятия Каспийского бассейна. Таким образом, нефте- и газопроводы привели к стратегическому расширению Каспия. Если говорить обобщенно, то Большой Каспий – это нефтегазовый потенциал Каспийского водоема плюс трубопроводные направления и трубопроводная инфраструктура. Последние выступают в качестве коммуникационного продолжения Каспия. В итоге Большой Каспий получает все признаки транснационального мезорегиона, имеющего глобальное значение.

Большой Каспий рассматривается нами как геополитический проект, который является проектом «большого пространства», созданным и реализуемым не «коллективным» Западом, а региональными игроками. Причем последние имеют разные цели, рассматривают друг друга как «попутчика», но на данный момент времени этот проект представляет собой жизнеспособную структуру, которая имеет все шансы не распасться, а благополучно эволюционировать.

В параграфе **1.2 «Цивилизационный фактор в современной геополитике»** решается подзадача, связанная с выяснением роли цивилизационного фактора в формировании и реализации геополитических концепций и влиянии на динамику развития международных отношений. Исходной точкой анализа является тезис о том, что в противостоянии двух геополитических концепций – конфликта цивилизаций (С. Хантингтон) и диалога культур (М. М. Бахтин, В. С. Библер) – Россия находится на второй позиции, к которой примыкают еще такие страны, как Китай, Индия, Иран. Это преимущественно страны с древнейшими цивилизациями, имеющие богатейший политический опыт, опыт реализации собственных имперских проектов, опыт побед и опыт выживания в трудных, непростых ситуациях. Это цивилизации самообновляющегося типа (они неоднократно перезапускали свои имперские проекты). Диалог предполагает равноправное и уважительное отношение. Анализ заявлений российской стороны (речи В. В. Путина и С. В. Лаврова), в которых представлены «формулы» поведения России со странами Евразии, позволяет говорить именно о таком диалоговом подходе.

Состояние догоняющего развития при сохранении цивилизационной идентичности накладывает отпечаток на политическую культуру элит вообще и геополитическую культуру, в частности. Проблема геополитической культуры сталкивается с вопросом качества профессионального уровня политических элит, насколько профессионально они владеют геополитическими идеями и как их реализуют на практике. Здесь же возникает и проблема геополитического конструирования и создания адекватной геополитической картины мира. Ведь любая «завершенная» геополитическая идея, любая «законченная» геополитическая теория, концепция, проект или модель представляет собой некую геополитическую

конструкцию. Все подобные объекты способны изменять геополитическое пространство, являющееся отражением актуальной конкретной мощи того или иного государства (геополитического потенциала).

Страны Большого Каспийского региона длительное время были увлечены различного рода модернизационными процессами, порой сводившимися к откровенной вестернизации их политической системы и культуры в целом. При этом рушились характерные для их национальных политических традиций цивилизационные коды.

Возрастание значимости Каспийского региона обосновывается следующими факторами: повышением коммуникационного и энергетического значения региона, что приводит к «пробуждению» региона, к формированию его «самосознания», переформатированию региона и борьбе внутри него. Следующим фактором является появление «нового» интереса к региону со стороны сильных держав. Наблюдается новая «Большая игра» в регионе, что, по сути, является своеобразным геополитическим процессом, ведущим к формированию Большого Каспия.

Исходя из этого, считаем, что геополитика понимается не только как борьба (контроль, доминирование) за физикалистские пространства (так называемая традиционная геополитика), но и релятивистские (экономическое, информационное, социокультурное, экологическое и иные пространства). В связи с этим становится архиактуальной концепция геополитики эмоций Д. Моизи. Рассматривая с ее методологических позиций политические режимы в Каспийском регионе, обнаруживаем их схожесть. Так, эмоции страха присутствуют как в общесистемном мнении, так и в сознании политических элит. Отсюда стремление элиты к защищенности, безопасности, которое в итоге способно перебороть ресурсный эгоизм, о котором говорится в следующем параграфе. Наблюдается стремление к обеспечению безопасности через поиск «зонтика» более сильного международного актора, а военная компонента обеспечения стабильности режимов становится доминирующей в их внешнеполитической стратегии. Но со временем наблюдается дрейф от военной компоненты к экономической и иной (например, цивилизационной).

В параграфе **1.3 «Большой Каспий: от западного триумфализма к “сырьевому воображению” и “ресурсному национализму” новых независимых государств региона»** обосновывается мысль о том, что после распада Советского Союза регион Каспийского моря оказался в центре внимания мировых СМИ, крупных политиков, энергетических компаний и лоббистов из-за больших запасов нефти и газа, внезапно обнаруженных на шельфе Каспия. Однако энергетический фактор был одним из аспектов каспийской проблематики. Другой не менее важный аспект – геостратегический.

В начале XXI в. борьба за каспийские углеводородные запасы проходила в рамках такого феномена, как «ресурсное накопление» и «ресурсный национализм». Данные процессы изменили характер борьбы за углеводороды Каспия. Ресурсный национализм выражался как в борьбе за доступ к еще не освоенным нефтегазовым месторождениям, так и в переделе существующих месторождений. Логика

«ресурсного накопления» стала причиной региональных конфликтов и коллективных опасений индустриально развитых стран Запада, связанных с проявлением эгоистических устремлений государств-экспортеров нефти.

Обосновывается мысль о том, что игра новых национальных политических элит с идеей независимости в «новых» государствах, ставка политических элит в установлении и поддержании суверенитета над той или иной территорией на ресурсный национализм приводит к тому, что срабатывают разрушающие региональное единство и дестабилизирующие региональную безопасность центробежные механизмы. Отмечается, что общим для всех стран дестабилизирующегося в конце 90-х – начале 2000-х гг. Прикаспийского региона были политическая нестабильность, политизация этничности и религии, идеологический вакуум, геополитическая инверсия, кризис / крах национальной экономики и стремление встроиться в логику мировой политики и экономики. С другой стороны, во-первых, вероятность / возможность того, что внерегиональные геополитические центры будут контролировать и региональные, и трансрегиональные коммуникации на этой территории, во-вторых, стремление к контролю за политическими процессами на территориях как «новых», так и «старых» государств в Каспийском (Кавказско-Каспийском) регионе и Центральной Азии вызывало серьезную озабоченность ряда государств Большого Каспия. Главным образом речь идет о таких странах, как Россия, Иран, Китай, Турция, Индия, являющихся основными инициаторами проекта Большой Каспий.

Данные процессы заставляют региональные государства искать механизмы поддержания политической, военно-политической, экономической и экологической стабильности, обеспечивать безопасность в Каспийском регионе и баланс военно-политических и экономических интересов различных сил в регионе Большого Каспия.

Во второй главе **«Геополитика нефте- и газопроводов как ключевая характеристика Большого Каспия: к пониманию дезинтеграционного потенциала новых региональных политических интересов»** содержится три параграфа. В параграфе **2.1 «Появление каспийской трубопроводной политики: нефте- и газопроводные проекты как инструменты реализации глобальных и региональных интересов и попыток перекройки региона»** обосновывается мысль о том, что представленная в предыдущем разделе избыточная политизация каспийских ресурсов сыграла большую роль в деле наращивания трубопроводного соперничества. Одна из основных проблем Каспия в 1990-е гг. состояла в ответе на вопрос: по каким маршрутам и по чьим территориям потечет каспийская нефть к мировым потребителям? От ответа на этот вопрос зависело то, кто станет контролировать будущие нефтегазовые трассы, идущие из Каспийского региона. К тому времени в Каспийском бассейне функционировал лишь один трубопровод из Баку в Новороссийск, который выводил азербайджанскую нефть к черноморскому побережью. Однако после открытия масштабных месторождений нефти в азербайджанском и казахском секторах моря и заключения «контракта века» обозначились два направления перевалки энергоресурсов региона к мировым

потребителям. Строительство масштабной нефтепроводной инфраструктуры Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), возведение которой началось в сентябре 2002 г., стало настоящим вызовом для России на каспийском направлении, поскольку означало для Москвы потерю контроля над сырьевыми потоками Большого Каспия. После пятидневной войны в Грузии в августе 2008 г. в регионе еще больше активизировались усилия по строительству новых трубопроводов, идущих в обход России. Инициаторами данной политики были в первую очередь сами государства Каспийского региона.

После провала газопроводного проекта «Набукко», а также после неудачи с реализацией Транскаспийского трубопровода стало очевидно, что западное направление каспийского нефтегазового экспорта исчерпало себя. Зато заявили о себе как наиболее перспективные направления маршруты транспортировки каспийских энергоресурсов в сторону Китая и Ирана.

В последние годы внимание Евросоюза к каспийским углеводородам возросло. Однако отношение ЕС характеризовалось более осторожным подходом к ресурсам Каспийского региона. Кризис на Украине 2014 г. и вновь возникшие в результате этого перебои в поставках российского газа ещё раз проиллюстрировали, насколько сильно ЕС уязвим и зависим в энергетическом плане. Уже в тот период государства-члены ЕС начали рассматривать возможность поставок газа через Южный газовый коридор из Каспийского региона. Отмечается, что прикаспийский газ не рассматривается в Европе как единственная альтернатива российским поставкам. Подчеркивается, что огромным энергетическим потенциалом обладает Курдский автономный регион, а также Ирак, где запасы газа даже превышают запасы в Средиземноморском регионе. Однако разработка этих месторождений и строительство газопровода в Европу также наталкивается на препятствие в виде постоянной нестабильной геополитической ситуации.

В параграфе **2.2 «Локализованная геополитика “транзитных войн” в регионе Большого Каспия»** анализируется малоизученный аспект истории транспортировки «большой» каспийской нефти для тестирования часто оспариваемого геостратегического постулата о том, что торговые маршруты становятся маршрутами конфликтов. В центре исследования – военно-дипломатические усилия трех мятежных территорий постсоветского Кавказа (Абхазии, Чечни и Южной Осетии) в отношении трубопроводных проектов Баку – Супса, Баку – Новороссийск и Баку – Джейхан. Характерной чертой данных усилий стало то, что публичная силовая эскалация происходила не в форме военных акций, а в стилистике постконфликтных ультиматумов мятежных регионов в отношении Грузии, России и международных нефтяных компаний. Орудием этих ультиматумов стали военные угрозы и дипломатический блеф. Данный раздел показывает, как локальные политические интересы непризнанных государств постсоветского Кавказа проявляли себя через нефтяные и транзитные призмы. Сепаратистские проекты представляли собой военно-дипломатические имитации для выхода политических элит непризнанных территорий в международную публичную политику. Дополнительную актуальность этой теме придают события июля 2020 г.,

связанные с приграничными вооруженными столкновениями между Арменией и Азербайджаном.

В параграфе **2.3 «От “ресурсного национализма” к “новому энергетическому порядку”»: страны Каспийского региона в контексте меняющихся энергетических приоритетов в мире»** доказываем, что формирование «нового энергетического порядка» в мире, связанного с появлением принципов, методов и технологий низкоуглеродной энергетики, с эйфорией администрации США от перспектив сланцевой революции и порожденной ей политикой глобального энергетического лидерства (ослабление традиционных игроков нефтегазового мирового энергетического рынка) привело к перемещению нефтяных и газовых каспийских маршрутов в сторону азиатских рынков.

В параграфе **3.1 «Прикаспийский регион в контексте правового статуса Каспийского моря: политический аспект анализа» третьей главы «Инструментализация ресурсного фактора и формирование моделей внешней политики стран Прикаспия»** отмечается, что Прикаспийский регион в современной геополитике занимает особое значение. Это было в очередной раз зафиксировано в подписанной 12 августа 2018 г. «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря». Доказываем, что в ней отражены современные тренды геополитического и геоэкономического развития и мира, и региона, учтены тренды интеграционного развития на евразийском континенте. «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» инициировала нарастание процессов регионального и трансграничного сотрудничества, в т. ч. по формированию транспортно-коммуникационного каркаса и общего экономического пространства государств Прикаспия. С новым этапом развития интеграционных процессов и реализацией энергетических мегапроектов меняется геополитический статус Каспийского региона. Подчеркивается, что новая «Большая игра», в отличие от классической, которая имела двух игроков – Россию и Британию, происходит в ситуации отсутствия чётких правил самой игры и участия в ней игроков разного уровня: глобальных, региональных, национальных, наднациональных, негосударственных акторов, государств с устоявшимся суверенитетом и только что оформившихся государственных объединений. Ключевой характеристикой постсоветской каспийской трансформации, меняющей облик и геополитическую ценность самого региона, становится транспортный и энергокоммуникационный фактор. В возникших геополитических реалиях сохранение, поддержание, трансформация безопасности в регионе связаны с формированием особого международного политико-правового статуса Каспийского моря, который бы транслировал всем заинтересованным игрокам как регионального, так и надрегионального уровней идею суверенности региона. Это возможно сделать только в ситуации нераспространения норм международного морского права на Каспий.

Степень интеграции и роль региона на международной арене, по нашему мнению, в будущем окажутся связанными с ростом экономического потенциала не только входящих в регион стран, но и всего Каспийского региона в целом;

с формированием и оптимизацией транспортно-логистической структуры и встраиванием ее в глобальные проекты или же встраиванием глобальных проектов в региональные транспортно-логистические структуры; более активным позиционированием стран Прикаспия на международной арене; выстраиванием деловых отношений с соседними странами и регионами, на территории которых разворачиваются конфликты и споры; с нахождением точек соприкосновения и сотрудничества с глобальными заинтересованными сторонами как государственного уровня, так и акторами вне суверенитета; со степенью развития межгосударственных отношений в социальной и культурной сферах межгосударственного взаимодействия, с образовательной, информационной и научной сферами.

В параграфе **3.2 «Транспортные узлы на Каспии и кластерная экономика как геоэкономические инструменты прикаспийской интеграции»** обосновывается мысль о том, что до настоящего времени геополитическое значение Каспийского региона определялось природно-ресурсным (энергетическим) и транспортно-логистическим (коммуникационным) потенциалом. При этом регион оставался недооцененным в контексте пространственного развития современных мирохозяйственных связей.

Предложенная матрица и статус государств в основных международных организациях, формирующих пространство Большого Каспия, свидетельствуют о возможности создания многовекторного и разнонаправленного пространства дальнейшего развития международного сотрудничества в рамках Большого Каспия.

В основу нашего исследования положено пространственное развитие Большого Каспия в системе координат «Восток – Запад» и «Север – Юг», охватывающих страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.

Основа новых мирохозяйственных связей находится в плоскости «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай (РИК), идея которого предложена Е. М. Примаковым (1998 г.) в формате партнерства трех стран, обеспечения стабильности в мире и регионе. Индия, имеющая сухопутные пространственные ограничения, развивает свои приоритеты глобального игрока в Индо-Тихоокеанском регионе. Соответственно обоснован высокий индийский интерес к развитию международного транспортного коридора «Север – Юг». Результатом реализации данного проекта выступает пространственное сопряжение стран Россия – Индия – Иран как восточного каспийского треугольника. Значимость данного сотрудничества определяется традиционно развивающимися торгово-экономическими отношениями, а также совместной реализацией проекта (дальнейшее развитие МТК «Север – Юг» до Мумбаи), расширяющего доступность Индии к международным транспортным коммуникациям и углеводородным ресурсам. Сирийские события (начиная с 30.09.2015 г. по настоящее время) способствовали созданию наиболее действенной военно-политической коалиции государств (Россия – Иран – Турция), которая фактически трансформируется в юго-западный каспийский треугольник – зону коллективной безопасности на юге Прикаспия. В зонах больших каспийских треугольников, которые могут быть представлены и иными конфигурациями, сосредоточены многочисленные локальные

пространства (малые треугольники) с «тлеющими» конфликтами (Армения – Азербайджан), а также ряд имеющихся противоречий между южными государствами региона (Туркменистан – Иран; Азербайджан – Туркменистан) и др.

Изменяющийся геополитический расклад в мире на основе формирования «многомерных пространств» – треугольников, как наиболее устойчивых политико-экономических международных конструкций (образований), представляет собой новые пространственные реалии геополитического измерения многополярного мироустройства в системе мировых координат и возрастающего их влияния на Евразийском пространстве, «осевую зону» которого занимает Большой Каспий. В этой ситуации российские морские порты Каспийского бассейна представляют системообразующую инфраструктуру пространственно-экономического развития региона.

В параграфе **3.3 «Региональная безопасность как условие стабилизации отношений и сотрудничества государств Прикаспия на Евразийском континенте»** отмечается, что обеспечение политической безопасности является важнейшим внешним условием для конструктивного развития интеграционного проекта региона Большого Каспия. Внутренним условием, обеспечивающим стабильность и поступательность развития интеграции, является экономическая самодостаточность и финансовый суверенитет.

Развивается мысль о том, что США реализуют в регионе свой либеральный проект без какого-либо учета местных особенностей. Доказывается, что страны каспийской евразийской оси оказались менее всего подготовленными под его стандарты, поскольку имели собственные традиции демократии и государственного строительства и управления. Навязывание Западом политических стандартов вызывало стойкое им противодействие со стороны тех государств, которые имеют собственный политический опыт. Именно в этой связи отмечается устойчивый рост антиамериканизма в Прикаспийском регионе.

Анализ рассмотренного нами материала позволяет вести речь о существовании некоего общего алгоритма безопасности, который выработали страны Каспийского региона. Прежде всего, это соблюдение международного права, основанного на взаимном уважении не только правовых норм, но и культурно-исторических традиций друг друга; использование вооруженных сил только для отражения внешней угрозы. И в этом плане роль России является ключевой, поскольку именно она может предложить всем этим странам в обмен на экономическое сотрудничество и политическое союзничество свой «военный зонтик» и свою модель безопасности.

В четвертой главе **«Большой Каспий в геополитических стратегиях глобальных и региональных центров силы»**, в параграфе **4.1 «Современные интеграционные процессы и политика межгосударственного сотрудничества в Каспийском регионе: от геополитики к геоэкономике транспортных систем на Евразийском пространстве»** обосновывается мысль о том, что проблема интеграции сталкивается с решением вопроса о региональном лидерстве, при том, что и у США, и у Евросоюза имеются свои интересы в Каспийском регионе.

Практика реализации интеграционных проектов в Евразии свидетельствует об их разноскоростном и разноэффективном продвижении. Очевидно, что страны Большого Каспия находятся в поиске зон и линий, по которым им можно будет эффективно развивать свои интеграционные возможности, но не у всех выдвигаемых ими проектов происходит синхронизация политической воли и возможностей.

Анализируется ряд инициатив по поводу общекаспийской интеграции. Отмечается, что все проекты оказались нереализованными в силу определенных геополитических противодействий сторон, вовлеченных в геополитический процесс Большого Каспийского региона.

Доказывается, что интеграция является важнейшим элементом в выстраивании системы региональной безопасности. Алгоритм их действий заключается в том, чтобы не ограничивать себя в попытках выдвижения и реализации новых проектов, направленных на формирование в перспективе полноценных союзнических отношений. В настоящее время союзы стран этого региона носят ситуативный характер, что в значительной мере определяется воздействием со стороны третьих стран, не оставляющих попыток навязать этому региону свою глобалистскую волю. Попытки ведущих держав этого региона (в первую очередь России и Ирана) убедить своих партнеров в том, что подобного рода вмешательства наносят вред общей идее Большого Каспия, не всегда встречают должное понимание и поддержку.

Обосновывается мысль о том, что в качестве одной из объединительных идей этого региона является традиционализм: 1) господство консервативных ценностей (религия, семья, культурно-историческая идентичность, неприятие западной неолиберальной доктрины LGBT и т. д.), 2) национальная традиционная демократия, 3) традиции сильной исполнительной власти. У каждой страны свое понимание этих ценностей, но в целом они для них имеют принципиальное значение.

Для ведущих стран Большого Каспийского региона (прежде всего для России и Ирана) характерна также историческая традиция империи – поиска и утверждения своей национальной доктрины в качестве самодостаточного доминирующего международного фактора. Именно в силу этого у них обнаруживается весьма стойкое сопротивление к чужому доминированию, особенно если этот доминант находится за пределами их мировой компетенции и навязывает им свою экспансию.

В параграфе 4.2 «Каспий и каспийские страны в рамках реализации китайского инфраструктурного суперпроекта “Один пояс – один путь”» доказывается, что КНР делает ставку на стратегические партнерские отношения как на двустороннем, так и на многостороннем уровне в рамках различных международных структур, включая ШОС и БРИКС. Делается вывод о том, что Китай стремится укрепиться в статусе региональной державы, поэтому в будущем КНР станет лишь продолжать усиливать свое влияние – экономическое, политическое и культурное – посредством стратегического партнерства. Доказывается, что обеспечение безопасности поставок нефти становится ключевым фактором в стратегии энергетической безопасности Китая. Каспийский регион

входит в проектную инициативу КНР «Экономический пояс Шелкового пути». Программа нацелена на транспортировку грузов из Азии в Европу. В связи с этим делается вывод о том, что у Пекина есть еще один повод для укрепления позиций в регионе.

В параграфе **4.3 «Каспийские проблемы в рамках концепции Евразийского пространства»** обосновывается мысль о том, что цели и задачи внешней политики государств Евразии, в частности, стран Большого Каспия, наглядно проявляются в осуществляемых ими геополитических стратегиях. Геополитические евразийские контуры определяются и описываются посредством анализа этих стратегий, которые содержат в себе основы представлений их политических элит и лидеров относительно сущности проводимой ими внешней политики. Каспийский регион будет находиться в тени Большого Востока до тех пор, пока каспийские углеводородные богатства не станут главным фактором на рынке энергетических ресурсов, что может произойти в случае крупномасштабного конфликта вокруг борьбы за нефть и газ зоны Персидского залива. Дестабилизация этого региона может привести к усилению энергетической роли государств Прикаспия. Многое будет зависеть от способности политических элит этих стран вести конструктивный диалог по самым острым проблемам и не выходить за рамки существующих здесь много столетий традиций добрососедства и взаимопонимания.

В параграфе **4.4 «Современная Центральноазиатская зона как евразийская геополитическая дуга нестабильности на пространстве Большого Каспия»** доказываемся, что 30-летний период становления государственности в странах Центральной Азии сопровождается нарастанием «национального суверенитета» и разновекторной ориентацией. Сформировались устойчивые группы западноориентированных политических и экономических элит, деструктивно влияющих на интеграционные процессы. Между странами СНГ накопились многочисленные проблемы, связанные с низкой эффективностью межгосударственных отношений, слабым уровнем кооперации и интеграционного развития, что отражается на состоянии инвестиционного климата и внешнеторговых оборотах. Так, на полях Алма-Атинского саммита СНГ «Центральная Азия и Россия» 14 октября 2022 г. президент Таджикистана Э. Рахмон высказал, вероятно, консолидированную позицию региональных стран. По его мнению, слышно много слов о центральноазиатской пятерке и ее форматах, однако отсутствует внимание к малым республикам, как и сейчас, не учитываются традиции и обычаи, не оказывалась помощь и поддержка в развитии.

Со стороны третьих стран реальной силой и «угрозой» стабильности в регионе Большого Каспия можно признать Организацию тюркских государств (ОТГ), которая в определенном смысле противостоит российскому миру. Активно реализуемый турецкий проект Великого Турана через т. н. тюркский фактор приобретает реальные очертания и значимость. Достаточно отметить, что Туркменистан, соблюдающий с 1995 г. статус нейтрального государства, впервые получил статус государства-наблюдателя в Организации тюркских государств.

В настоящее время на пространстве Центральной Азии в зоне прямого политического и экономического воздействия «противостоят» интересы России, Турции, Китая и инициированные ими региональные международные организации.

В параграфе **4.5 «Актуальные проблемы современной российской геополитики: каспийский вектор»** доказывается, что обострение конфликта России с Западом актуализировали ранее отодвинутые в сторону проекты, среди которых оказался и проект МТК «Север – Юг». В июне 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин напомнил, что углубление евразийской кооперации требует введения альтернативной и независимой платёжной системы, которая выводит эти страны из-под западного финансового давления. И в этой связи параллельно с финансовой интеграцией (направленной на суверенизацию национальных валют) необходимо развивать также альтернативные логистические кооперационные проекты, связанные с развитием транспортных коридоров.

Использование т.н. «мягкой силы» во внешней политике России чаще всего связывается с ее просветительской миссией, которая выражается в продвижении русского языка и русской культуры, а также качественного образования и достижений науки. Как базовая часть «мягкой силы» культура предлагает свой особый инструментарий культурного взаимодействия: программы, проекты, мероприятия. Именно в регионе Большого Каспия экспорт российского образовательного контента имеет естественную востребованность и реальную конкурентоспособность с другими ведущими мировыми системами образования.

В **заключении** диссертационного исследования представлены ключевые выводы. Сам характер работы предусматривает комплексное использование методов и основных принципов научного исследования проблемы геополитических процессов на пространстве Прикаспия. Наибольший эффект дает междисциплинарный подход. Было установлено, что на современные геополитические процессы большое влияние оказывают такие мировые тренды, как глобализм, интеграция (дезинтеграция), мировой экономический кризис, формирование многополярной модели мира. Именно с учетом всех этих тенденций и для достижения объективности в оценке происходящих в регионе Большого Каспия геополитических процессов автором и были выбраны специальные методы исследования.

Вторым важным моментом работы стал системный анализ особенностей геополитических стратегий основных субъектов региона Большой Каспий, в ходе которого были выявлены наличие в них общей базовой позиции – принадлежности к идеям многовекторной международной политики и ориентации на систему ценностей многополярных отношений. Было также замечено, что западные аналитики и западные СМИ с подачи своих политических элит целенаправленно накачивают этот регион всякого рода негативными характеристиками, стремясь тем самым доказать пагубность самостоятельной политики стран этого региона, отказавшихся от геополитического «покровительства» США и начавших проводить свои независимые внешнеполитические курсы. Особую тревогу коллективного Запада вызывают два государства Каспийского региона (Россия и Иран). Две другие страны (Китай и Индия) считаются потенциальными мировыми конкурентами

западной модели однополярного мира и тоже попадают в зону критики западных СМИ. Политические события 2010-х гг. наглядно показывают «пробуждение Азии», что Евразия стала ареной не только военных столкновений, но и зоной ожесточенной информационной войны и экономической конкуренции соперничающих на этом геополитическом пространстве государств.

Большой Каспий как мезорегион является частью Большой Евразии. Он появился после падения СССР вследствие переоценки своего ресурсного потенциала и начала формирования странами Каспийского региона своей национальной идентичности. В условиях ресурсного эгоизма каспийских государств создание единого Каспийского региона затруднило формирование здесь своих региональных институтов. Геополитический эгоизм этих государств носил чаще всего региональный (каспийский) характер. Каждое государство Каспийского региона искало и создавало свою каспийскую идентичность. И этот поиск далек еще до своего завершения. Поэтому эгоизм каждого из государств создавал разность их подходов. Общим было достижение коллективной безопасности, где Россия играла первую роль, поскольку имела надлежащие для этого ресурсы. С точки зрения Москвы, безопасность на Каспии может исходить только от России. С точки зрения Вашингтона, именно от Российской Федерации исходит угроза безопасности национальным интересам США. Поэтому заочный спор Бжезинского и Примакова есть спор двух конкурирующих национальных интересов.

В последние годы в научной литературе появилась тема Большого Каспия, которая отражает актуализацию этого региона в геополитическом мышлении. Оформление, формирование Большого Каспия как самостоятельного региона – это процесс, связанный с усилением роли политических элит стран Прикаспия. Следует признать, что в настоящий момент внутренняя энергетика этих стран еще недостаточно сильна. Элиты стран Прикаспия еще не научились коллективно использовать ресурсный фактор в своих целях. Поэтому они всегда искали внешней опоры (ЕС, США, КНР и т.д.) и не верили в собственные силы и возможности.

Идея безопасности является одной из базовых для стран региона Большого Каспия. Все попытки установить здесь доминацию третьих стран наталкиваются на весьма стойкое сопротивление имперской традиции местных лидеров, которые постепенно восстанавливают свой международный доминант. Следует признать, что путем многочисленных согласований политическим элитам стран Каспийского региона удалось найти некий общий алгоритм их международного сотрудничества, основанный на соблюдении международного права, суверенитета, исторических, политических и культурных традиций, а также стойкого желания вопреки всем неблагоприятным международным тенденциям оставаться субъектами международной политики.

Практика реализации концепции Большого Каспия исходит из принципа интеграции, безопасности и равноправного политического диалога всех стран – участниц этого проекта. Россия здесь может выступить лидером практической реализации всех этих трех компонентов. Она способна сплотить вокруг себя те

силы, которые заинтересованы в развитии конструктивного альянса самодостаточных государств, совместно решающих текущие актуальные проблемы.

В идеале Большой Каспий окончательно сложится как самодостаточный регион лишь тогда, когда никакая третья сила не сможет здесь действовать без коллективного разрешения стран этого региона. Такого состояния уже удалось отчасти достичь в августе 2018 г. Развитие в этом направлении признано наиболее перспективным и следует именно здесь ожидать дальнейших позитивных изменений.

Рассмотренные в настоящем исследовании геополитические процессы в регионе Большого Каспия свидетельствуют о начавшемся в начале XXI в. процессе поэтапного формирования системы экономического сотрудничества и политической безопасности ведущих стран Евразии – тех, кто проявляет наивысшую конструктивную активность в деле продвижения своих внешнеполитических интересов (экономических, политических, культурных и иных) и отстаивании своих геополитических стратегий.

В условиях СВО-2022 г. Большой Каспий становится не просто «задним двором» России, но и выступает в роли альтернативного логистического коридора, связывающего Россию со странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Судя по логике развивающихся в Большом Каспии политических процессов, здесь складываются не иерархические, а сетевые структурные механизмы архитектуры международных отношений, что предполагает наличие не одного, а множества центров принятия решений. Эти центры обладают различным объемом компетенций, разной ресурсной базой, но не считаются с ними и тем более игнорировать их уже практически невозможно. Это набирающие геополитическую мощь и экономический вес державы, которые своей политикой будут определять лицо международных отношений в XXI веке.

С целью активизации процессов формирования Большого Каспия необходимо: оптимизировать существующие и максимально быстро ввести в строй новые элементы транспортно-логистической структуры и встроить их в глобальные проекты или наоборот – встроить глобальные проекты в региональные транспортно-логистические структуры; укреплять союзы с ведущими игроками, в первую очередь, с КНР, Турцией, Ираном, Афганистаном и Пакистаном; более активное позиционирование прикаспийских стран как посредников для конфликтных территорий; активно развивать межгосударственные отношения в социальной и культурной сферах с акцентом на образовательную, информационную и научную сферы и как итог этого – формирование единого научно-образовательного Каспийского и более широко – Евразийского пространства.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ***Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:***

1. Маркелов, К. А. Оценка структурной надежности региональных систем комплексной безопасности / К. А. Маркелов // Государственная служба. – 2010. – № 5. – С. 74–77.
2. Маркелов, К. А. Социально-политические вызовы и угрозы в Каспийском геополитическом пространстве начала XXI в. / К. А. Маркелов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2011. – № 7. – С. 88–93.
3. Маркелов, К. А. Эколого-экономическая безопасность Прикаспийского региона: проблемы и пути решения / К. А. Маркелов // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2013. – № 5–6. – С. 3–8.
4. Маркелов, К. А. Анализ региональной безопасности Астраханской области / К. А. Маркелов // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2013. – № 5–6. – С. 51–56.
5. Маркелов, К. А. Взаимодействие энергетики и экономики в условиях глобализации / К. А. Маркелов, В. П. Зволинский, С. О. Половых // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 3 (40). – С. 145–155.
6. Markelov, K. A. Economic security: geopolitical and regional aspects / K. A. Markelov // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2015. – Т. 3, № 12. – С. 6–11.
7. Маркелов, К. А. Современный управленческий инструментарий в процессе государственного регулирования энергетики / К. А. Маркелов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 1 (54). – С. 115–121.
8. Маркелов, К. А. Энергетический потенциал современной мировой экономики / К. А. Маркелов // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 81–91. – URL: http://vestnik-npi.info/upload/information_system_15/2/5/3/item_2538/information_items_property_7340.pdf.
9. Маркелов, К. А. Стратегические приоритеты развития российского транспортного узла Каспийского бассейна / К. А. Маркелов // Российский экономический интернет-журнал. – 2018. – № 3 (01.07.2018–30.09.2018). – 17 с. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Markelov.pdf>.
10. Маркелов, К. А. Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона / К. А. Маркелов, В. Г. Головин, Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 3 (56). – С. 58–73.
11. Маркелов, К. А. Процессы интеграции прикаспийских государств и их приморских территорий: системный анализ источников и структуры информации / К. А. Маркелов, Ю. М. Брумштейн, В. Г. Головин // Вестник Евразийской науки. – 2018. – № 5. – 32 с. – URL: <https://esj.today/PDF/26ECVN518.pdf>.

12. Маркелов, К. А. Использование возобновляемых источников энергии в различных странах: анализ динамики показателей, подходов к управлению, влияния развития информационно-телекоммуникационных технологий / К. А. Маркелов // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2018. – № 3 (43). – С. 70–87.

13. Маркелов, К. А. Информатизация трансграничных перевозок в Каспийском бассейне: анализ направлений влияния на ИТ-компетентность персонала организаций и населения в прикаспийских регионах России / К. А. Маркелов // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2019. – № 1 (45). – С. 117–136.

14. Маркелов, К. А. Черноморско-Каспийский регион: от геополитики к геоэкономике транспортных систем / К. А. Маркелов, Р. Х. Усманов, В. Г. Головин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 1 (58). – С. 74–88.

15. Маркелов, К. А. Влияние научно-образовательного потенциала вузов Каспийского региона на интеграционные процессы в евразийском пространстве / К. А. Маркелов, Р. Х. Усманов // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 86–92.

16. Маркелов, К. А. Большой Каспий в системе природно-геополитических координат / К. А. Маркелов, В. Г. Головин // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 30–38.

17. Маркелов, К. А. Концепт «Большого Каспия» в контексте геополитического измерения / К. А. Маркелов // Современная наука и инновации. – 2020. – № 2 (30). – С. 140–153.

18. Markelov, K. A. The concept of the “Great Caspian” in the geopolitical context / К. А. Маркелов // Современная наука и инновации. – 2020. – № 2 (30). – С. 114–123.

19. Маркелов, К. А. Развитие концепта «Большой Каспий» и современные геополитические отношения Северо-Кавказского региона / К. А. Маркелов // Современная наука и инновации. – 2021. – № 3 (35). – С. 231–242.

20. Маркелов, К. А. История и современность в развитии международного транспортного коридора «Север – Юг» / К. А. Маркелов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 1 (70). – С. 98–109.

21. Маркелов, К. А. Большой Каспий в современных геополитических условиях / К. А. Маркелов // Современная наука и инновации. – 2022. – № 2 (38). – С. 139–153.

***Публикации в изданиях, входящих международные базы цитирования
Scopus и (или) Web of Science:***

22. Markelov, K. Informatization of Astrakhan agriculture under conditions of caspian states international relations development / K. Markelov, V. Golovin, Yu. Brumshteyn // Compilation: Digital agriculture – development strategy : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (ISPC 2019). Series “Advances in Intelligent Systems Research”. – 2019. – P. 226–231. – DOI: 10.2991/ispc-19.2019.51.

23. Markelov, K. A. Russian Caspian regions international relations: risk structure analysis under society informatization conditions / K. A. Markelov, Yu. M. Brumshtein, V. G. Golovin, D. A. Zakharov, N. I. Kabachek // Compilation: Information society: health, economy and law : Materials of the international scientific and practical conference. Network Institute of Continuing Professional Education. – 2019. – P. 285–292.

24. Markelov, K. A. Use of information and communication technologies for support of universities in-Russian and international relations (on the Caspian region example) / K. A. Markelov, Yu. M. Brumshtein, V. G. Golovin // Proceedings of the International Scientific Conference Innovative Approaches to the Application of Digital Technologies in Education and Research (SLET-2019). Stavropol – Dombay, Russia, May 20–23, 2019. – 12 p. – URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2494/>.

25. Markelov, K. A. Research and Educational Centers as a Matrix of Institutional Collaboration Between Business, Science, and Education in the Context of Digital Transformation in Society / K. A. Markelov, E. V. Polyanskaya, O. K. Mineva, A. M. Abbasov // International Conference on Economics, Management and Technologies 2020 (ICEMT 2020). Atlantis Press. Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – Vol. 139. – P. 14–18. – DOI: 10.2991/aebmr.k.200509.004.

26. Markelov, K. Functioning of special economic zones in the digital economy era / E. Kryukova, K. Markelov, E. Matsui, L. Usachyova // Compilation: Advances in Economics, Business and Management Research : Proceedings of the International Conference on Economics, Management and Technologies 2020 (ICEMT 2020). – 2020. – P. 433–435. – DOI: 10.2991/aebmr.k.200509.077.

27. Markelov, K. A. Paradigm transformation of education system in digital reality / K. A. Markelov, E. V. Polyanskaya, O. K. Mineva, V. N. Taran // Compilation: CEUR Workshop Proceedings. 5. Series : DLT 2020 – Selected Papers of the 5th International Scientific and Practical Conference “Distance Learning Technologies”. – 2021. – P. 186–198. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Paradigm-transformation-of-education-system-in-Markelov-Polyanskaya/e53a3f0e0cfe455f3c7624c19e8fb41debca9a24>.

28. Markelov, K. A. The analysis of social economic effects of distance learning technologies implementation in russian regional state universities / K. A. Markelov, Yu. M. Brumshteyn, A. I. Krivenko, R. V. Kozyrkov // Compilation: CEUR Workshop Proceedings. 4. Series : DLT 2019 – Selected Papers of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Distance Learning Technologies”. – 2021. – P. 288–299. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Analysis-of-Social-Economic-Effects-of-Distance-Markelov-Brumshteyn/bbb641ce60be41d72c4a4f45e4b2054fe659a9c9>.

29. Markelov, K. A. The analysis of some medical biological aspects of distant learning technologies in russian regional state universities / Yu. M. Brumshteyn, K. A. Markelov, A. I. Krivenko, R. V. Kozyrkov // Compilation: CEUR Workshop Proceedings. 5. Series : DLT 2020 – Selected Papers of the 5th International Scientific and

Practical Conference “Distance Learning Technologies”. – 2021. – Vol. 2914. – P. 97–111. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46955876&pff=1>.

30. Markelov, K. A. Caspian Basin in the System of Post-Soviet International Relations: Revaluation of Transport and Communication Factors / K. A. Markelov, G. V. Kosov, A. K. Magomedov // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Springer Cham. – 2022. – DOI: 10.1007/978-3-030-90324-4_187. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-90324-4_187.

31. Markelov, K. A. Caspian Elite Consensus: a Pact of Integration in a Globalizing World / K. A. Markelov, P. L. Karabushenko, R. Kh. Usmanov, S. A. Velikaia // Журнал фронтальных исследований. – 2022. – № 3. – DOI: 10.46539/jfs.v7i3.425.

32. Markelov, K. The international north-south transport corridor: history, modernity, prospects / K. Markelov, P. Karabushenko, R. Usmanov, V. Golovin // East – West: Practical Approaches to Countering Terrorism and Preventing Violent Extremism. – 2022. – № 01. – DOI: 10.56199/dpcshss.eaxq2094. URL: <https://dpcshss.delapress.com/index.php/dpcshss>.

33. Markelov, K. A. The geopolitical landscape of Eurasia in the XXI century: prospects for the development of Russian-Indian relations / K. A. Markelov // “The Caspian in the Digital Age” within the framework of the International Scientific Forum “Caspian 2021: Ways of Sustainable Development”. – 2022. – № 002.

Монографии:

34. Маркелов, К. А. Актуальные проблемы политико-экономической безопасности стран Каспийского региона в начале XXI века : монография / К. А. Маркелов. – М.: Ин-т междунар. социально-гуманитарных связей, 2011. – 167 с.

35. Маркелов, К. А. Место и роль России и прикаспийских стран в энергетике и экономике мира / К. А. Маркелов, В. П. Зволинский. – Астрахань: Астраханский университет, 2017. – 249 с.

36. Маркелов, К. А. Большой Каспий в геополитическом измерении : монография / К. А. Маркелов. – М.: Экон-Информ, 2020. – 198 с.

Прочие публикации:

37. Маркелов, К. А. Астрахань и Каспий в XXI веке / К. А. Маркелов // Астраханские политические исследования. – 2001. – Т. 1. – С. 16–21.

38. Маркелов, К. А. Транзит XXI века. Транспортный коридор «Север – Юг» открывает для России большие экономические выгоды / К. А. Маркелов // Российская Федерация сегодня. – М., 2002. – № 20. – С. 12–14.

39. Маркелов, К. А. Условия и факторы интеграционного развития в СНГ / К. А. Маркелов // Природопользование в аграрных регионах России : сб. – М.: Современные тетради, 2006. – С. 406–411.

40. Маркелов, К. А. Организационно-экономические механизмы функционирования системы факторов развития СНГ / К. А. Маркелов // Биологические основы устойчивого развития Волго-Каспийского природного комплекса : сб. – М.: Современные тетради, 2006. – Ч. 2. – С. 116–119.

41. Маркелов, К. А. Стратегия ускоренного социально-экономического развития Астраханской области / К. А. Маркелов // Вызовы современности в свете истории, философии и мировой экономики : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. (г. Чебоксары, 17–18 декабря 2007 г.). – Чебоксары, 2007. – С. 612–615.

42. Маркелов, К. А. Анализ региональной безопасности Астраханской области / К. А. Маркелов // Социально-экономическое формирование и функционирование территорий Северного Прикаспия : сб. – М.: Вестник РАСХН, 2013. – С. 25–32.

43. Маркелов, К. А. Эколого-экономическая безопасность Прикаспийского региона: проблемы и пути решения / К. А. Маркелов // Социально-экономическое формирование и функционирование территорий Северного Прикаспия : сб. – М.: Вестник РАСХН, 2013. – С. 62–68.

44. Маркелов, К. А. Сетевое взаимодействие университетов как форма региональной интеграции Прикаспийских государств / К. А. Маркелов // Вестник Атырауского университета нефти и газа : научный журнал (Республика Казахстан)ю – 2018. – № 4 (48). – С. 12–19.

45. Маркелов, К. А. Реализация транзитного потенциала России как фактор экономического сотрудничества прикаспийских государств / К. А. Маркелов // Региональная специфика и российский опыт развития бизнеса и экономики : мат-лы X юбилейной Междунар. науч.-практич. конф. (г. Астрахань, апрель 2019 г.). – Астрахань: Астраханский университет, 2019. – С. 35–39.

46. Маркелов, К. А. Стратегические приоритеты инфраструктурного развития международного транспортного коридора «Север – Юг» / К. А. Маркелов // Транспорт и логистика: стратегические приоритеты, технологические платформы и решения в глобализованной цифровой экономике : сб. мат-лов третьей Междунар. науч.-практич. конф. – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2019. – С. 248–252.

47. Маркелов, К. А. Астраханская область как транспортные ворота евразийского континента / И. А. Мартынов, К. А. Маркелов // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – Астрахань: Астраханский университет, 2019. – Т. 17. – С. 82–91.

48. Маркелов, К. А. Геополитические процессы в регионе Большого Каспия / К. А. Маркелов // Каспий XXI века: пути устойчивого развития : Междунар. науч. форум. – Астрахань, 2020. – С. 327–330.

49. Маркелов, К. А. Сопряжение как новое политико-экономическое понятие: теоретико-практический аспект / К. А. Маркелов, Е. Е. Головина // АСТРАПОЛИС. – Астрахань, 2020. – Т. 9–10. – С. 8–17.

50. Маркелов, К. А. Современные геостратегические концепции политических элит Прикаспийских государств / К. А. Маркелов // Вопросы элитологии : науч. электронный журнал. – 2020. – Т. 1. – С. 147–169. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/347568225_Sovremennye_geostrategiceskie_konceptii_politiceskih_elit_prikaspijskih_gosudarstv.

51. Маркелов, К. А. Каспийское геополитическое пространство в системе региональной безопасности / К. А. Маркелов // *Caspium Securitatis*. – 2021. – № 1. – С. 11–34.

52. Маркелов, К. А. Трансформационные геополитические процессы в регионе Большого Каспия / К. А. Маркелов // *Каспий: прошлое, будущее, настоящее* : сб. науч. ст. – Астрахань: Астраханский университет, 2021. – С. 147–153.

53. Маркелов, К. А. От геополитики к геоэкономике прикаспийских государств / К. А. Маркелов // *Каспий в цифровую эпоху* : мат-лы Национ. науч.-практич. конф. с междунар. участием в рамках Междунар. науч. форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития». – Астрахань: Астраханский университет, 2021. – С. 436–439.

54. Маркелов, К. А. Новые имперские тенденции Евразии: политические элиты в поисках своего лидерства / К. А. Маркелов // *Вопросы элитологии* : науч. электронный журнал. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 140–155.

Подписано в печать 21.02.2023 г.

Заказ № 4493. Тираж 100 экз.

Уч.-изд. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,3

Оттиражировано в Астраханском государственном университете
имени В. Н. Татищева

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а